

Анатолий Жариков

Сука-жизнь

Избранное

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анатолий Жариков

Сука-жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42954183

SelfPub; 2019

Аннотация

Та сука, которая родила щенят, и они, слепые, тыкаются во все стороны света, ищут жизнь, визжа и бодая друг друга. А жизнь-то в суке-матери, в ярком дне, в миске с молоком, жизнь везде и в них самих. Быть может, так и не заметят этого, так и не поймут... Это первая книга избранных стихотворений. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Город. Музыка. Зима	4
Триптих	8
Борис Пастернак	12
Рубцов	13
Март	14
В селе	16
Босх	19
Стреноженное	25
Продолжая наблюдения	31
Продолжая наблюдения	34
Продолжая наблюдения	37
Продолжая наблюдения	41
Продолжая наблюдения	46
Апрель. Фантазия	57
Поль Верлен. Неописуемое	61
Золотая пыль	63
Мать Мария	68

Город. Музыка. Зима

Ждану

Насторожённый ворох слов,
как мусор неуютных улиц;
и с хваткою пришитых пуговиц –
торговые ряды лотков.

Отставленного локтя ближе
приблизиться уже нельзя
к непонимающим глазам,
напоминающим о жизни.

И злы, и молоды глаза
апостолов серпа и молота.
Аптека. Улица. Вокзал.
Столовая родного города.

Маэстро стынущей стране
в худой обуви на резине
в подземке на одной струне
концерт играет Паганини.

И граждане от злобы дня
бегут домой по снегу талому,

и тает музыка огня
на кухне в запахе метана.

Он заказал себе глаза,
я отпустил усы и бороду.
Нас ожидал большой вокзал
большого города.

Но утро, трезвое, как трусость,
всё оставляло на местах:
будильник, улицу, турусы,
у памятника мента.

Озябшему ещё пенять
на пошлый день в косую строчку.
Жену, купеческую дочку,
на валенки не поменять.

Сними подземный переход,
расклей последнюю афишу...
И человек не подаёт,
и Бог твой Реквием не слышит.

День не годится жизни для,
прокуренный и не согретый.
И музыку уносят где-то

за край земного февраля.

***

Кореш готовит лыжи,
только без родины тесно,
на кладбище под Парижем
нету свободного места.

Может, теплей и будет
там, где бабло и фиеста.
Всё-таки, женское место
красит женщину, люди.

***

Долгий вечер, дальний вечер.
Тёплая, как солнце, пыль в горсти,
тихий шёпот: "Господи, прости
человеку человечье..."

***

Ты лучше жизни не перечь
и смерть на завтра не пророчь,
поскольку день ещё не ночь
и жизнь ещё не стоит свеч.

И воду в ступе не толочь,

поскольку есть живая речь.
И надо эту речь беречь
и с нею что-то превозмочь.

И надо эту жизнь беречь,
поскольку день ещё, не ночь.
И надо что-то превозмочь,
поскольку жизнь не стоит свеч.

Триптих

...Мы платили за всех, и не нужно сдачи.

И. Бродский

1.
Мы и счастливы тем, что мы просто люди,
что не знаем, что было, и не помним, что будет.
И грешны лишь в том, что на этом свете
после тех двоих появился третий.
И что дождь слепой, и что ветер пархатый,
мы сегодня и в этом уже виноваты.
Если б не было ада и райского сада,
мы бы мудро придумали это сами.
И чтоб небо с овчинку, а щель с баранку
показались, избрали вождей и тиранов.
Время выйдет, помрём и за кошт казённый
станем частью земли, а потом чернозёмом.

2.
Мы построили сами костыми и стихами
беломорканалы, амуры и бамы.
И теперь, назвав историю дурью,
вспоминаем про это, когда закурим.
И чтоб наши вожди, дай бог, не проснулись,
именами их называем улицы.

Если уж ползуч, зачем ему крылья.
Если мы в дороге, значит, будем пылью.
Мы звенели словами, шумели медью,
мы составили речи из междометий.
А читая стихи и пия от скуки,
мы не знаем, куда деть ненужные руки.

3.
Мы не любим кулак, что нам тыкают в морду;
мы бедней индейца и богаче Форда.
Мы смеёмся так, как гогочут гуси,
мы не плачем, когда над нами смеются.
Мы сначала посеем, потом запашем,
всё, что после будет, будет нашим.
И что после запашем и что посеем,
отдадим попугаям и канарейам.
Мы б хотели жить, и как можно чаще,
нам хватает ста капель для полного счастья.
Наши кони храпят, горят наши трубы.
Мы ещё научимся целовать в губы.

***

М.Х.

Нам тесно на своей земле,
и пчёлы на цветы садятся.
Не долго остывает след;

нам тесно на своей земле,
на красной глине, на золе.
Песок не держится на пальцах.
Нам тесно на чужой земле.
И пчёлы на глаза садятся.

***

Ещё не ясен приговор,
мучителен процесс дознания.
И жизнь взамен торгует вор
на миг безумного признания.

Из пропасти растущих глаз
взошли ответы на прошение:
и оправданье и прощение,
и приглашение на казнь.

***

Что человек? Живуч веками,
тысячелетья за спиной;
когда должно быть с головой,
есть, как и прежде, с кулаками.
Есть страсть делить вино и хлебы,
и грязь, и голубое небо.
Но тень по-прежнему чиста
того проклятого креста.

И выше той горы святой
ни в сердце места,
ни в искусстве.
Невыносимо. Больно. Грустно.
Но путь один. И место пусто.

Борис Пастернак

Столько лба, что места
на Сенатской площади.
И в зрачках судьба.
И лицо породистой лошади.

Рубцов

Две родины в одну слились;
погоста тень, мазута слизь.
До звука смертного сопрано
равнины даль и неба высь,
щемящье, сучье слово жизнь.
И органично и органно.

***

И у виселицы последнее желание,
и у зрителя великодушие ложное.
И поэзия – крови переливание
из пустого в порожнее.

***

И нищие и вдоль и поперёк,
и скоморохов пудренные лица.
Обвислый зад зажавшейся столицы
щекочет запад, а потом восток.
В провинциях, однако, всё как встарь:
блины пекут, отцеживают брагу,
расчёсывают новый календарь
и рубят ясли новому варягу.

Март

Ветер колкий, но уже слабый,
день морозца, день мерзкой хляби.

Налились поволокой бабы.

Март. Увлажнённая почва
в предвкушении творчества.

Немного тепла и больше
ничего не хочется.

Упрощается до дыхания шум.

Без желания не задуть свечу.

Мир – один закопчённый чум.

Ты, пока ещё видят глаза,
интересен другим, но за
перевалом глухим твоим
ни хрена не растёт. Даже дым.

Вы, изысканного словца
девы, имели в руке творца
бороду, а не что иное.

Что укропом мой огород,
в марте словом набряк народ.

В слове память: кто мы такое.

Март – глагол,

ещё в состоянье покоя.

В селе

Та, что темна своим древним именем,
будит утро глазами синими.

Знаешь, милая, за окнами-ставнями
снег семь дней стоит нерастающий.

Я дорог пророк, ты любви пророчица,
мы уже прочли сто лет одиночества.

Мы уже забыли земные заповеди,
на «сходи-принеси» говоришь: «Сам иди».

Мы уже сто лет как уже не бодем
и живём сверх срока, как вождь в мавзолее.

Мы по Гуглу на шару смотрим фильмы разные,
или «С лёгким паром» или что подсказывают.

А когда метель закрывает ставни,
зажигаем свечи или в снах летаем.

Пиано

Николаю Хижняку

Кипяток на горку чая в чашке,
тёплые носки да чистая рубашка,
луч в ловушке синего стекла,
сигареты, вечер, свет и мгла.
Убеганье, приближенье снова,
колыханье, колебанье. Слово.
Первые знакомые черты.
Боже, я готов, готов ли Ты?

***

Плоды уже медвяно липки
и вытекает жаль из груши,
обшарив сад, нас обнаружив
глазами не рождённой скрипки.

И ветер паутины нить
находит и тревожит синие,
дрожа на кончиках ресниц
чувствительными Паганини.

***

Неглиже от second hand,
гвоздь советский из штиблет,
чай, полпачки сигарет,
гость вчерашний на обед.
Вам, щетина, сколько лет?

Сквозь газету тихий свет,
вроде светит, вроде нет.

***

Не всё так близко, что слышится,
не всё так хорошо, что пишется,
не всякая икона светится,
не каждая – в небо лестница.
И слово, что на заборе
начертано, – не история.
Не всякая птица – ворон.

***

Хозяин из меня совсем никудышный,
ни молотка, ни гвоздя, ни отвёртки в доме,
одни мыши
и ветер гоняют куски соломы.

Город, в котором живу я, вымер,
дома и улицы разбрелись по свету,
и никто не помнит даже имени
страны, которой у меня нету.

Босх

В конце зимы или весны
запахло рыбой, луком, салом,
войдя в стихи со стороны
плекков гремучего вокзала.

И там, где оборвался звук
и свет творившего концерта, –
следы слипающихся рук,
вылавливающих консервы,
вычёсывающих из волос,
выскабливающих из расщелин.

Мне эту музыку принёс
пёс, пёсией обглодав свирелью
желтея жуткостью луну,
когда у вас скрипели перья,
пыля заказом на дому.

***

Из сплетен круга, друга тыков,
билетных сводок, газет между строк,
затылков и взглядов, и чувств обрывков
да из того, что щедро отвалил Бог,

судьбе нелёгкой, драконьей, сиповой,
как обидную фигу выкрутил на бис,
вышептал, выговорил, выхрипел из лёгких, из
спешно бегущей крови нежным больное слово.

Чтоб остаться, опрокинувшись в зрачке фотоаппарата,
сидеть, положив на kota свою рыжую котячью лапу,
и затем, сморгнув на Васильевский,
на промятом диване залечь
в отстранённой, чужой земле,
где и в спальне чужая речь.

***

Он разум тешил байкой о пространстве,
поскольку опасался темноты,
что в храмине в углу, вечерней,
но более стеснялся пустоты
в стране, где не имели земли
в своём размахе тяги к измеренью,
вернее, в упрощенье постоянства.

Построил город на хребте холопа,
и в то окно, что прорубил, Европа
три века с изумленьем зрит
на лапти на ногах кариатид.

Что поднялось, не опустив другое?
На тёмной вере варварская Троя
замешена и потому стоит.

И ночью, разметав подушки,
как пойманная рыба, через рот
дышал дыханием болот.
Купцы, бояре, хлопы, воровьё –
не выпущу! – поскольку всё моё.
Ум теряет счёт подушный,
когда историей стечёт.

"Он держит жезл в одной руке, другой
сгибает, как тарелки, мир дугой.
В усах усмешка, что твоя гроза,
рассеяны в далёкий день глаза.
Какой-нибудь потомок мой на *-не*
взнесёт его на бронзовом коне,
коли не разворуют медь в стране".

На дубе с потревоженной корой –
глядела женщина – как распускались ветви, –
глаза от солнца заслонив рукой.
Лаптём хлебая щи, жуя намедни,
зевал Евгений, и скучал Лаврентий.
Снаряд, отпущенный рукою росса,

рассёк простор, осматривает космос.

***

Весна. Полдня предложению суставы ломаю,
правила синтаксиса вспоминая.

Земное по дождю соскучилось наверняка,
как по слезе щека.

Молодые деревья не краше старых,
тощи, как первые овощи на базарах.

И как акварелью апрель ни прикрась,
на большаке после дождя грязь.

Так и при каждой новой власти
будет неточной рифма "краше".

***

От А. Фета с приветом «здрасьте»
и до радостного Экклезиаста
и поэзии после Бродского,
нам сказали, суть идиотские.

Что поэзия? Это жжение
жизни жившего против правил.
Плохо пишут красивые женщины,
некрасивые слишком правильно.

Что поэзия? – рыжая вруля,

не приложишь к сырой ране.
Что в итоге её выбирает? –
память, петля, изгнание, пуля.

***

Две вещи, которых не тронет тлен,
вызывающие ужас, уничтожающие страх:
женщина, живущая на земле,
Бог, обитающий на небесах.

***

Заверните меня в кожуру от слов,
начертайте на камне: "Здесь был Иванов".

Не ломайте речь, не курите дымов,
успокоенный не любил «Дымок».

Я возьму с собою краюху дня,
посолите крупной солью меня,

из крошечной мути той книги книг
зачитайте вслед самый первый стих.

Я уйду, себе пожелав "будь здоров",
выбивайте пыль из моих ковров.

***

Сбиратель слова светлого, плебей,
орган из паутины лета,
ты чьих крестов кладбищенских, кровей
чьих? из какого света
пришёл? и из какого мрака
явился?

Я не знаю. Снова
в кусочек праха и в кусочек слова
хочу, как на луну собака.

***

На полу, вымытом до нищеты видимой.
В воздухе, заражённом йодом и валерианой.
Под полоской света из щели оконной.
На самом дне дня, развалившегося на два.
И глядишь обалдело:
навсегда совпавшее со своей тенью,
ещё не вещь и уже не вещь, тело.

Стреноженное

1.

Поэзии русской помойки гребать,
выпрыгивать в окна и спать на чужбине,
далёкий размах океана и ныне
и присно да Парижская мать,
да пражские стены, германские камни,
каменя Швейцарии, плоть корсиканки
да Греции ветхие пни и горшки,
помилуй мя, Боже, я – сука тоски,
я – вой на луну, третий глаз Моны Лизы,
не видим Тобою, не выжжен отчизной.

2.

По горсти отбирала у моря,
чтоб глядеть, по глотку у простора,
чтобы петь. Ни вины, ни укора.

Ишь,

в доме том вместо платья висишь,
как ножом порезана тишь,
по России по ком голосишь?

***

И вот тебе и дай и на,
зимой дождём захлюпала страна,

и грязь потекли по всей стране,
и за ворот и за ворота. – Не
выходи и не распахивай пальто,
на улице февраль и воздух свежий,
и люди – если встретишь, то
в глаза надышат, то полжизни срежут.

***

Размозжена дорога, ветер злой,
знобит поля и ни души одной,
голодным хатам челюсти свело.
– Брат город Каин, где твой брат село?

***

Плывёт земля и облака над ней,
и под спиною мощный аппликатор
из щебня и стеблей; то слово Сартра,
то сон Дали в далёкой вышине.
То птица (хвост бы свой подать
туда, где звук не означает смысла
уже). Парящим – благодать
и в бреющем без мыла.
Что будем делать, Отче? Ни шиша
не отстоялось, но отшелестело.
Ты видишь, мой невидимый, душа
уже гораздо тяжелее тела.

***

На сонную муху села сонная официантка.
Расхотелось жевать. Осень напоминает фугу,
повторяясь в дождях и франтах-
листьях, уходящих по кругу.

В осени гуще время, плотней пространство,
шагая, только и слышишь свои шаги.
Уходя в никуда, утешаешься всё-таки
неутешительной континуума константой.

Неуверенно просишь повторить, горло
дышит севером, ответ на вопрос "сколько?"
опускает осяянную голову
на жалкую сдачу на плоскости столика.
Кабачок Франсуа Вийона
Здесь грызла кости маета метафор
такая, что, упав на столик,
официант, рванув рубаху, плакал,
как алкоголик.

Здесь сиживали Лермонтов и Блок,
и стриженные женщины Бодлера
им пели и плевали в потолок
и в биосферу.

Здесь, не поймав мыша, плясал чердак,
и стены падали, и неуклюжесть Баха
была сильней, чем тёмный кавардак
Бетховенского страха.

Здесь правил африканский тамада,
имея скулы древней пирамиды.
И если кто-то суесловил, да
был битым.

Здесь чувства и огромные глаза
расписывали Босх и Врубель,
и опускалась чёрная звезда
собаке в руку.

Здесь было место для убогих всех;
весна цвела, гниение отбросив,
и жрал стихи в камине красный смех,
обезголосев.

***

Василю Стусу

Поколенью заплёванных улиц, стандартных домов
посвящаю победный свой хрип над судьбою; отрывку
всех великих затей громадьи и могил без гробов

возвращаю, как фраер фартовый, наличкой
той великой державе закрытых решётками глаз,
наши спины ласкавшей когтистою лапой самицы,
забывавшей про имя, крестившею цифрою нас,
где друг дружке аукнуть, и было в лесу заблудиться;
отрывая от локтя помятое дверью крыло,
прижимая к губам, как бомжара с горилкой посуду,
где метались солёные зубы меж выбитых слов,
сохраняя в последнем сознание "я всё-таки буду",
я, рождённый садовником быть, белых роз
воспеватель, выхаркивал строчки о мрази;
в новый век созидателей новых фантазий
старый город каштанов меня, разыскав, перенёс.

***

От жажды умирали над ручьём,
тянули нескончаемую требу,
кривили губы чёрные: "За що?"
и не было руки делить семь хлебов.

***

Боже мой, я скажу, когда мне надоест
подниматься по грязным ступенькам подъезда,
долго звякать ключом, в дверь ввалившись, засесть,
не раздевшись, в берлоге, в окопе, в насесте.

Я скажу, когда горькою станет вода,
кислым хлеб, когда муха за рамой
станет белой, а с неба ночная звезда,
отгорев, упадёт на траву за оградой.

Я шепну, когда длинная тень по углам
перестанет метаться и станет короче,
разговор, как ни кинь, начинается там,
где кончается слово и ставится точка.

Я откроюсь, что славил пустые углы,
петлю куртки, а не обитателя оной,
улыбался простою оттяжкой скулы,
ждал не писем, скорее, шагов почтальона.

Но я был приобщён и к иной красоте
в те минуты, когда и не думал об этом.
Что скрывать мне в твоей неземной пустоте,
когда стану невидимым в этой?

Продолжая наблюдения

Осень – изношенная одежда лета,
каждый второй в государстве лишний,
и спутник необходим планете,
как фига пустому карману нищего.
Фаллос – древко знамени животворящей глины,
то, что случится с нами, – результат бессилия
времени перед пространством;
по-настоящему страшно –
остающимся в этом мире.
И потому как жизнь – игра
и смерть, как следствие азарта,
сегодня – это вчера,
переигравшее завтра.

***

Не сбежать лопаткам, проколов матрац,
и в подушку надышишь прадавнее *ууу*,
ночью пряди растут быстрее, чем глаз
состригает их золотую копну.
Эта кость жива; повторяешь её
всю в подробностях, сколько можешь мочь,
и сквозь тёмные обмороки хрипишь: “Моё!”,
о ребро крича как в шестую ночь.

***

Домой вернулся Одиссей,
на век состарилась Европа,
и до нуля число гостей
уже остригла Пенелопа,

в себе замкнулась. И камин
рассыпался. Прошла эпоха,
не колыхнув рядно гардин.
Вино допил, собака сдохла.

Зачем куда-то уезжать?
Вернёшься, всё забудешь снова
на той странице, где молчать
над тройкой букв, держащей слово.

***

Я видел души в профиле лица
чиновника, поэта, подлеца,
тень закрывала веки им, однако
я не заметил в них ни тени страха,
и независимо, какими были уши,
ничем не различались души.
Вздымался несгибающийся перст,
потела в жмене суетная сдача,

вослед нам скручивалась фи́га на удачу,
не изменялись души, как окрест
не изменялись контуры ландшафта,
всё так же уголь выдавала шахта,
где часто падал снег, валили лес,
кидали лохов ловкие кидалы,
святили пятый угол мусора,
играли Моцарта. Да так, что и тела
им аплодировали в вечно тёмной зале.

***

Всё вышептал, осталась от гвоздя
дыра, от подошвы лишь радость
скольжения, но слово “рай” здесь
сказать мне некому, отсюда исходя.

***

Друг на друга больше не плюют
и на зло не машут кулаками,
не желают; и спокойно мрут,
словно мухи за осенней рамой.

Меч не вынут, яда не нальют,
пулей не шугнут ворон за речкой.
Произносят пакостные речи,
скучно пишут, в одиночку пьют.

Продолжая наблюдения

Мясник тем и отличается от врача,
что не оставляет в теле меч, а

дождь гораздо шустрее снега, верно,
так как последний родитель первого.

А может как раз всё наоборот,
хотя какая разница, что попадает за шиворот.

После дождя – лужи, после снега – лыжня,
после жаркой любви – малышня.

В словаре слова, у грека
чебуреки и лодка через реку.

У кавказца кинжал, жена и сакля,
у немца война, футбол и пиво.

У запорожца оселедец и сало,
у русского ни хрена, но всё равно красиво.

У прозы зубная боль, у стиха рифма,
можно допрыгать до самого Рима.

***

В трёх августах её искала смерть,
немела грудь под белыми губами,
и тёмная не позволяла память
три пережитых августа отпеть.

В трёх звёздах заблудившийся трамвай,
шептунья-очередь под серыми Крестами,
глаза товарищей, поток высокой брани,
оставшихся друзей *прости, прощай.*

И Ленинград хранит, и Киев помнит
весь путь земной весёлого луча.
И зеленью сияет рукомойник,
и тайною охвачена свеча.

***

Время выть по утраченному времени,
свистать вслед профуканным бонусам,
осенний дождь лупит, в основном по темени,
как жизнь в остатке, в основном, ниже пояса.
Ты склоняешься к мысли о возможности
переиграть ситуацию, будто
можно взять в руки большие ножницы
и обкорнать ночь, вспоминая утро.

***

Смерть – это место, где мы вчера были,
вышли на улицу и всё забыли.

Смерть – это стрелка, соскочившая с циферблата
безумного времени, не больно и бесплатно.

Смерть – игла в маковке моего стога сена,
ветер южный, к вечеру переходящий в северный.

Смерть – это радость, не зависящая от места,
в котором тесто месят жених и невеста.

Смерть – это свет раскалённого солнца,
приходящего, как Фета привет, в оконце.

Смерть – это, в неё всмотреться ежели,
отсутствие нашей улыбки в зеркале,

то есть, встромяешь глаза напротив,
никто на тебя не смотрит.

Продолжая наблюдения

Одно лицо значительней, чем лица,
звезда посмертная не воскресит героя,
для петуха провинция – столица,
у статуи не будет геморроя.

Знак восклицательный без слова не воскликнет,
как знак вопроса в ухо не схлопочет,
у горизонта бесконечность линий,
как у дождя сентиментальных строчек.

Нам южный ветер денег не надует,
восточный тож детей нам не добавит.
Куда полезней в отрочестве думать
о доблестях, о подвигах, о славе.

***

Мой друг Анатолий Кравченко бывал в небе,
когда его освещали отнюдь не салюты,
и выли ветры смерти, а не ветры из лютни,
тот не слышит, кто там не был;
слова скупы, глаза не голубы у пилота,
слышу дрожь дюралья, где пропадала не наша,
и страшно, и пить охота.

Опускаемся во дворик,
где две лавки и столик,
за которым играют в домино или,
сегодня *или* – вино и селёдка,
не пьёт тот, кому не налили.
Небо не видно зарытой в окопы пехоте,
стреляющему в утку охотнику
или из подводной лодки.
Время Бони эм на счётчике,
пьём вино со сбитым лётчиком.

***

Сергею Мнацаканяну

Что молитвы, поздние стихи,
дни просты, желания убоги.
Все удачи – наши, все грехи
отсылаем Богу.

***

Я люблю красивоумных дам,
длинноногих, несколько раскосых,
в нимбе голубом от папиросы
в золотой кофейне "Амстердам".

Я люблю печальные глаза
на стекле летящего вагона,

как стекает время от перрона
до сверлящего пространство колеса.

Я люблю цветущий молочай
за селом на изначальной тверди,
трубы медные и день Победы,
древние слова односельчан.

***

Жизнь тормозит в день рожденья,
снег как смерть, деревья без парусов,
сквозь слезу снится лето, тени
от платана, женщины от Пикассо.
Наезжает жара, облака отъезжают
на юг, на спине унося птиц;
лето жалит, осень жалеет,
зима – зла, весна – вернисаж спиц.
С какой ни кусай стороны пространство
круга, не зацепишься, ибо нет угла,
ни трещины, сделано в неделю и радостно,
не отводи, что рука дала.

***

1.

Проснулся, мац-мац, рядом дышишь,
солнце слизывает всё, что попало

под язык: мысль, груди твои, тыщи
тысяч волос, одеяло,
руки, уставшие держать и гладить,
тело, рыбой уснувшее на песке,
и слова, не верующие и в тоске,
и слова, в зрачке умерщвлённые: "Ладно..."

2.

Тень в прихожей, на крюке пальто
коричневое, серенькое, из шагреновой кожи,
ужавшееся, как в семьдесят ужас, кто
повесил кого? На тебя похожа
тень от ласточки, из никогда
книгу мёртвых в обратном итожа,
явление мне одно и то же
каждое утро восклицает "да!"

Продолжая наблюдения

(Языческие боги)

Бог дорог непоседлив и юн,
истоптал не один каблук,
нет в пыли витамина Ю,
без верёвки родился сук.

Если это, действительно, так,
то другого не может быть.
Бог часов – занудный тик-так,
головой орех не разбить.

Средний род это сзади -О,
буква О, а не цифра 0.
Женский бог – это бес в ребро,
бог на кухне вода и соль.

Слава – это позор потом,
бог поэтов – гремящая медь.
Для диетика суп с котом –
это смерть.

***

Старый век (речи,

стихи, розы)
вышибает слёзы,
как звёзды вечер.

Не засти, слезина,
соль не лечит,
второй мужчина
пропал. Боль свечью

и жизнь строчкой,
и смерть тайной
приходят ночью:
"Прости, Анна!.."

***

Мы уважали скромность, ограничивая
тишину барабанным боем,
пели у костра, пили на кухне,
размышляли о погоде,
не вязали лыко,
верили в справедливость справедливых войн,
медвытрезвитель и прямизну
державного строя,
сдерживали удар по левой, подставляя
в ответ улыбку.
Мы выверяли маршруты дорог

по вымерзшим горизонтам,
укрощали атом, в Космос передвинули Мекку,
вооружались боеголовками, скорее для понта,
целину поднимали и выворачивали руки рекам.
Внук мой выставил мудры моих внутренностей
в картинной галерее,
чтобы понять мой мир и моё время.

***

Когда в моих руках мускулистое тело
летающей бабочки
превращается в тонкий запах плода манго,
а в чёрных зрачках по накалу ночной лампочки
осеннего парка, – это танго.

Ноги понимают слово и губы запах,
философию тела являет узкий носок,
это тоже танго, изысканное до кровавых запонок,
до обморока на волосок.

Бёдра, нашедшие свои пальцы,
зрачки, пропавшие в другие зрачки, –
это танго тоже, пора просыпаться,
дорогие мои старички!

Пуста аллея, дождит вечер,

уходите домой, а не то гоп стоп
подрежет струны, опустит плечи,
уходите, танго, тихо, топ, топ...

***

Д.Т.

Не притворяйся, вяжи узелки взаправду,
так понадёжней со славой и временем, право,
ибо – скажи – куда понесут, влево, вправо?
лучше рифмуй, как сапожник твои сандалетки, попарно,
или как Боженька глазки: косый и правый.
Только скажи врагам и поэтам: "Гуляйте сами,
каждое слово уже предавно сказали".

***

Осень больше всего подходит испорченным лёгким,
листья, летание, лютня, лада, словно
льётся, лелеет, лечит, ложится в логово,
мы вырастаем из краски, звука, слова.

Невыразительный сон твоего сознания,
сладким пчёлы и бабочки делаются виноградом,
то, что однажды случится с нами, я
рад, потому как иное не светит нам, нам надобен

этот спокойный и светлый поток распада

острого взгляда на беспредметное зрение,
голое лезвие неба висит над садом,
правую щёку подставим воздуха трению.

Лужи зимой обратятся в мёртвый сканер,
ветки шаги узнают в отчуждённых "чао",
тело теряет тепло и, значит, мужское начало,
Бог ни разу не слышит, осень, прими раскаяние.

Продолжая наблюдения

Если б знали заранее привет Ильича,
мастерили памятники из кирпича,

издавали труды мирового трудяги
на дубовой коре или мягкой бумаге.

Мы находим, что летом полезен чай
значительно меньше, чем зимой алыча,

что на крепких плечах высокие ноги
лучше смотрятся, чем в пыли на дороге.

Мы находим, что легче дышать в лесу,
как находим очки на своём носу.

***

В Перу перу предпочитают мачете, чашу
тёмной крови или импортного вина,
беру энциклопедию, открываю (нашу,
отечественную, БСЭ), читаю на
букву П: Перу после персов, но перед Пипковым,
читаю слова, загадочные однако,
там живут потомки живших когда-то инков

по берегам Амазонки и вокруг озера Титикака,
там ловят рыбу, выращивают кофе метисы и индейцы
аймара и кечуа,
охотятся на зверя в вечнозелёных лесах, краснея кожей,
и так же, как я, например, иногда интересуются тоже,
особенно вечером, когда делать нечего.
Выписываю буквы, вернее, в сердце стрелу рисую:
"Где ты, любовь моя, Тауантинсуйу?"

***

В этом саду засада,
есть ли другой какой?
Товарищ, вы из Моссада?
Внедритесь в чашу веков.

Кровь пустить петухам успеем,
воспари назад,
пожнёшь ветер – слово посеешь,
в оцепленье сад!

Адекватна ли плата?
Пока апостолы спят,
Риму вернём Пилата,
вырубим сад!

Наш ли он плоть от плоти?

Камни кидает сад,
кто против?
кто за?

***

Наши губы не курили,
с нами тёлки не гуляли,
наши ясли разбомбили
и медалей нам не дали.

Не играли трубы туши
в нашу честь, спирт не лакали,
нам Господь не выдал души,
разве вложишь душу в камень?

Но мы без вести пропали,
не моргнувши, в яйцеклетках,
в сорок пятом вам про это
командиры не писали.

***

В первый день все младенцы кричат,
пахнет ладаном, золото светит,
на песке узкой лапкой грача
кто-то тайные символы метит.
В тёмной ветке тоскует вода,

ветер юное облако носит.
Мать сияет, серьёзен Иосиф,
Ирод спит, ему снится звезда.

***

На улицу не выйти – комары,
а в доме пыль, бессонница и грустно,
ноябрь сосёт листву, беззуб азарт игры,
но снег создаст из горбылей искусство.

Придёт январь, зима оденет нас,
нутро согреет сладкая горилка,
берём коньки, садимся в медный таз
и улетаем, например, в Пуэрто-Рико.

Там наши ласточки проводят отпуска,
сорят крутые зеленую и чувством,
смеются женщины, какао пьют, пока
на родине под гнётом спит капуста.

***

Мне вечность времени, я Бог,
что вам убогим столько и не снилось,
вы скажете: "Какая, в бога, милость..."
А я скажу, что я не так и плох.

Я много знаю и почти про всё,
я направляю ваше время в график,
вы скажете: "О Господи, а на фиг?"
А я скажу: "Фортуны колесо".

Я вас люблю почти что навсегда,
хоть вы не часто грузите колени,
вы скажете: "Всё, Господи, от времени",
а я скажу: "От лени, господа".

Я любознателен, во всём на вас похож,
ну, вроде, как поэзия на прозу,
вы скажете: "О Господи, и слёзы?"
И я скажу: "Милей не видел рож".

Я к вам вернусь, наступит этот срок,
но не скажу вам ни число, ни место.
Вы скажете: "О Боже, где пророк?"
А я скажу: "Он вам оставил сердце".

***

...и так далее.

Борис Панкин

В любви, в попойке
важны детали:
градусы, стойкость

и так далее.

Как бог от мысли,
так ты от строчек
осенних, милая,
и зимних прочих.

Жизнь отмахал я
крылом, рукою,
пусть и не ангел
и всё такое,

ладошкой сникни
на место лобное,
прости улыбкой и-
ли её подобием.

***

Аллея, силуэт, скамья
в вечернем свете, силуэта
всё меньше в оном, горстка света,
апчхи с небес небытия.

***

Придёшь на родину, узнаешь, кто куда,
мотай на ус, кто выехал, кто болен,

колдобину, я вижу, как тогда...
засыпали и распахали поле.

Мой дом осел по окна, старым стал,
сад высох и меня не помнит,
и не с кем выпить, порахуй до ста
и просыпайся, долбаный полковник.

***

Природа, забери своё,
мы всё-таки не вышли рожей
и бытие на бытие
сменили, как стихи на прозу.

Зачем мне, господи твоё -
сад, ангелы, хуё-моё?
Мы с той, что выкашляла грудь,
ругаясь, живы как-нибудь.

***

На стих напишем больше,
на день увидим дальше,
махнём рукой прохожему
и выпьем с опоздавшим
на шумное похмелье;
да будет год теплее

теплом ушедших.

***

Мой декабрь не ночует в снегу,
свечи жгут в девятнадцатом веке,
будут песни, поэзия, ветер,
будет снег, но я не могу.

***

Сижу под храмом, ворую с неба,
ни крыши, ни сна,
убогому слово, птице хлеба,
звезда горит, стихи пишутся.

***

Ты меня знаешь, как знают погоду суставы,
всё повторяется, милая, с точностью свинской,
листья пикируют в грязь, ветер кустарники тискает,
я тебя знаю, как улицу светлую ставень.

Ты меня знаешь, как слабую грудь инфлуэнца,
так же немислим рассвет без мути озёрной,
ты принимаешь меня, как пернатая зёрна,
я тебя знаю, как нёбо все прелести перца.

Лук вышибает слезу, кофе мозги мои ловит,

я привыкаю к тебе, поэтому рано старею,
ты меня знаешь, как ласточка угол свой клеит,
я тебя знаю, как пальцы слепого слово.

***

Елене Нижний Рейн

В полдень пропал старичок с белой щекой на шее,
он был знаком с Ван Гогом, По, моим братом,
тени их были в тот день солнца темнее
и превращались в пятна, выли куранты.
Я не могу вас, закрученных словом, спасти,
жизнью, губы развесила, мается смерть,
я научу вас пропавших вчера не жалеть,
ибо вчера настолько темно, что равняется вечности.

***

Татьяне Катамадзе

Дай мне минуту жизни, горькую сигарету,
лето в капкане света,
ранка под марлевой лентой (земля под небом),
сонная температура,
пруд – аббревиатура из прохладных букв,
сохнет язык под небом,
ищет звук.

***

Там не выдержал даже Будённого конь,
посылали мальчиков под огонь,
ну а те посылали на чём свет стоит,
обжигая губами голубой спирт.
А закончился свет, и шёл дождь,
как по телу оставшихся шаманила дрожь,
да охрип гром, то ли бог, то ли бес,
никого пересчитывая с небес.

***

На кой нам эти перемены,
не надо перемен.
Когда гуашь течёт по венам,
не рвите вен.

***

Око Бога,
сон-суета.
–Боже, надолго?
–А навсегда.

Радость-беда,
белая тишь.
–Боже, когда?
–Сам решишь.

***

Оставь слова фафа и талалаям,
возьми кресало, трубку и табак,
как в древнем, среднем, новом мире, как
в ещё не распутившемся начале,
иди назло квадратным и прямым,
не бреющимся, голубым, овальным,
глагол нырнёт в причастие банально,
и ржавчиной покроется режим.

Тебе в Париже голову снесут,
отрежут уши и язык в Шанхае,
разденет в Дели девушка нагая,
в Ханое в руку молча сунут су.
Окинув левой шар земной в полдня,
вернись домой, большим щитом играя,
великих предков кладбище ровняя,
пни гладкий череп княжьего коня.

Апрель. Фантазия

Апрель:
карусель,
капель,
акварель,
растекается влаги тело.
В апреле
семь пятниц на неделе.

Бухает апрель.
Распускаются руки и веники.
Светло,
как горсть сребреников.

История держится в лицах,
как память Аустерлицем.

Смеётся Мария,
младенец Иисус
хитро улыбается в ус,
после отмены на быть
запрета
живёт в Назарете.

В петле Иуда:
никуда
ниоткуда.

В изгнании Понтий,
ищет истину в Потии,
где мандолину
учит любви
Ма-гда-ли-на...

И уже на вечной свободе
поэт Юрий Влодов.

***

Иуда предал, Пётр не то сказал,
ну, это ясно, как и всё на свете.
Того ж, кто к нам вернуться обещал,
возможно только посылать за смертью...

***

А на них и держатся державы,
не гниют, не сыплются на крошево,
из плохой страны не уезжают
дураки, поэты и философы.

***

Как с первых слов сшибает стих виски,
чиста зима отсутствием свободы,
двустопный ямб свалившейся тоски
колышет мир, снег делает погоду.

Узнай, в какие дни большой мороз,
в какие дни быстрее шага ветер,
в какие дни во человечесий рост
завалит снегом. И наступит вечер.

На всех деревьях радостная тень,
зажги свечу, она углы рассветит,
в тебе, во мне запутается день,
век не осудит, вечность не заметит.

***

С тенью чокаемся – не звонко,
посылаем в горло вино – не слышно,
как на землю приходит снег, вон как
осторожны шаги, даже слишком.

На столе, не открытый, читает себя Ницше,
мир пропал за окном, вещи
потеряли вид, нищий
жив не верой – верующими.

По стене рука шарит, двери
ищет, как по небу глаза – бога.
А в моей дыре засыпают звери,
чтобы спать долго.

***

Уже набравшись неба сини,
мир незаметно входит в лето,
войду в игру углов и линий
и выйду где-то...

Поль Верлен. Неопишваемое

Будь за столом прогулкою в лесу,
в тарелке супа твой высокий парус,
порой в твоём простуженном носу
загадок более чем в жизни; старость
играет словом, молодость горит.
Всё в мире – сон, то светлый, то печальный,
возьми в основу алкогольный ритм,
пчелиный шум, завесу дыма в чайной.
Иди за голосом, не мучай
ни рифму, ни строку, позволь дышать
свободой им. Прекрасно лжёт душа!
Рука ж фиксирует литературный случай.

***

Что будешь делать, мать Мария?
Исус распят, Иуда мёртв.
Иди через века в Россию.
Ответила: "Иду". Идёт...
26 июня 2011г.

***

Мёрзнут лужи, коченеет мозг,
опадает краска с алых роз.

Стая псов. Рассвет из серебра.

Осень. Сумасшедшая пора.

Золотая пыль

1.

Твой товарняк над временем летит
с надбавкой северной. Куда ведут дороги?

От водки к женщине, от слова к Богу,
а от гордыни в скит.

Вернёмся в жизнь, к вещам от общих мест,
заметим: город обкорнала осень.

А на Васильевском поставят крест,
поскольку тело за базар вины не носит.

2.

Скользит состав по рельсам через лес, и
колёса скручивают время в миг.

А Венедикт пьёт щедро, за троих,
за всю страну, щекою худ, но весел.

Он пьёт за счастье, братство и любовь,
за пролетарии всех стран, соединяйтесь!

За то, что мерзость не колышет кровь
поэтов, грузчиков и вегетарианцев.

Он от Москвы бежит, от суеты
погрязших улиц в нищете и грязи.

Мы ход замедлим, заходи и ты,
наш одинокий и однообразный.

Куда-то едем, пьём такую дрянь –
кишка с кишкой играют в рокировку.
Не спи, земляк, плесни три капли, глянть:
нам хватит до последней остановки.

3.

Мой друг, болгарин из Софии, Красимир
Георгиев (да не судите строго
его фантазию) встречал единорога,
я переводом это подтвердил.

А дело было, как понять я мог,
так: он с вечеринки возвращался, место
глухое было, в лужице у ног
увидел две звезды и полумесяц,
и тот представился: "Единорог".
Хоть страшен зверь был, без испуга
поэт признал в нём не диковину, но друга.

Когда я пьян и женщина у ног,
я часто плачу, вспоминая этот
весёлый случай; рад, что Бог
нашёл, в конце концов, Поэта,

а мог бы и не мог.

Но Красимир дал выход положенью
и написал о том стихотворенье.

А что утешит одинокого поэта?

Вино и женщина, курительный табак?

Всё это так

и всё же всё не это...

4.

Он был тринадцатым в тот вечер за столом.

И преданно апостолы глазели,

скорее от любви, чем от вина,

смотрели в Бога. Бог –

он не рифмуется ни с чем,

сам слово в слове.

Да, он в начале мог,

теперь не хочет...

Пока ж ученики сидят,

пьют красное и заедают плотью.

Как под рукой да Винчи, взгляд

Иуды тайной отличается от прочих.

...Ни денег, ни любви, сплошной облом,
жизнь без конца, что пьянка без итога.

Иуда – сказка девушкам в альбом.
Нам нужен миф. И мы распяли Бога.

***

Майдан шумит на Украине,
хренеют липы и осины;
кричат; дрожат у магазинов
прилавки, лавки, лимузины.
Последнего начало века,
бастуют зэки и казаки,
чувак звенит на балалайке,
дождь мочит памятник Шевченке.

***

...И пока выдыхаем во снах
серу ада и солнце рая,
ты за всех опускаешься на
две
коленки и слово лаешь.

***

Заштатный город, осень, небо, грустно,
кофейня, церковь, магазин, тюрьма,
всё, гражданин, для сердца и ума,
и слишком человеческое чувство.

***

В петле качаешься, значит не больно, счастье
это за 9 сек. стометровка крови,
вот и тебя прозвали вышкой, причастность
к больше не видеть, к больше не хмурить брови.
Где-то волна грызёт океана сушу,
зреют светила на ночном небосводе,
я не забуду помнить, я не забуду слушать,
вновь собери меня на песок и воду.

Мать Мария

–Я женщина, потом уже Мария,
что делать матери, когда ребёнок бросил
родимый дом?

–Его благословил я...

–Молчи, Иосиф!

–Кровь застывает, в мыслях нет покоя,
боль слёз, свободы чувства просят.

–Он наш, он новый мир построит...

–Молчи, Иосиф!

–Жизнь омерзительна, построена на жертве,
пусть колыбель и гроб терзают гвозди.

Я мать, влагалище, я старше смерти.

Молчи, Иосиф.

***

С безуминкой в зобу, чернитель слов,
друг мудаков, поэтов и злодеев,
растасканный и гением, и геем,
Сергунька, Серж, Серёжа Чудаков.